

Мельников Виталий

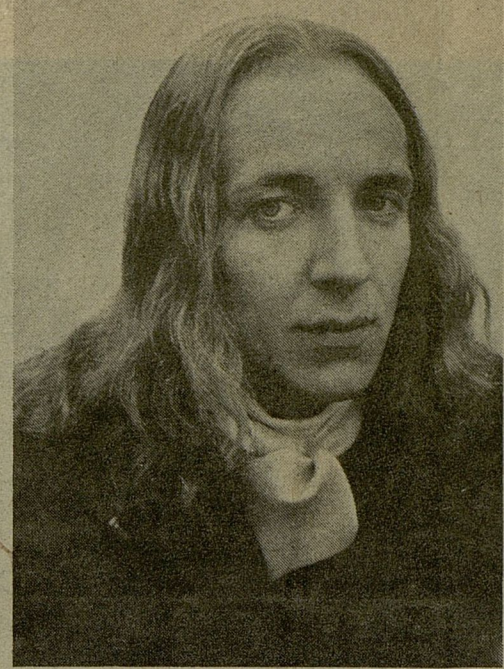
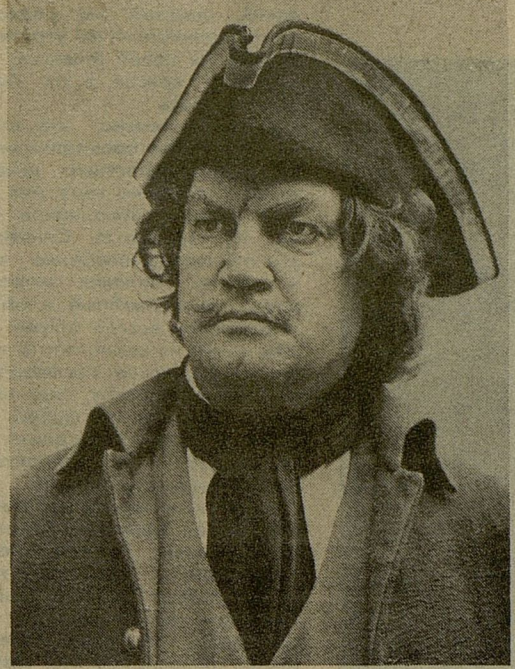
10.9.94

ДИАЛОГ

Мельников Виталий

Виталий Мельников:

О ТОМ, ЧТО БУДЕТ ЗАВТРА, НИКТО НЕ ДУМАЕТ

Культура. - 1994. - 10 сент. - с. 8.

Оказывается, государство у нас есть. Во всяком случае, мы сидим с режиссером Виталием Мельниковым в Госкино, или, вернее, Роскино, там же, в Гнезниковском. И мимо нас туда-сюда фланируют люди, от которых зависит судьба искусства кино. Все еще зависит. То подошел зам. министра, попросил копию последнего фильма для какого-то там торжественного показа (раньше, правда, эти копии у них в особом отделе лежали, а теперь вот у режиссера просить надо!). То мимо проплыла дама внушительной комплекции. Мельников тут же поднялся:

— Вы меня чем-нибудь ошастливите?

Оказывается, дама ошастливает сметами на валютные расходы для поездки за границу.

— Но вы знаете, — произнесла она с сомнением, — тут у вас такая сумма!.. Уж и не знаю... У нас таких и сумм нет...

— Значит, что же, — спросила я у Виталия Вячеславовича, — выходит, есть еще государство?

— Да сегодня только государство и способно содержать кино, — ответил он. — Эпоха спонсорства кончилась.

И я вспоминаю, как после нашего последнего разговора после фильма «Царская охота» Мельников как руководитель студии «Голос» (С.-Петербург) как раз говорил мне о том, что он лично в спонсорство не верит: «Они много обещают, но после еще больше отбирают».

Так оно и оказалось. Теперь самое время представить моего собеседника. А впрочем...

А впрочем, «Старшего сына» видели?

А «Царскую охоту»?

А «Мама вышла замуж»?

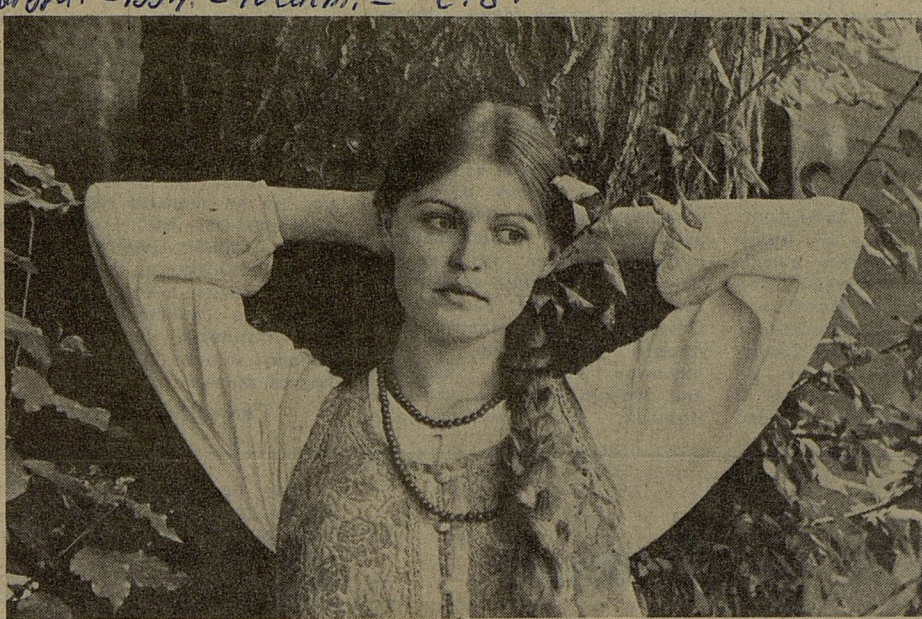
— Ну скажите, ваши фильмы все время по телевизору крутят, это как-нибудь вам теперь оплачивается?

— Мне? Нет. Абсолютно. Это все идет «Ленфильму» — то, что сделано до 91-го года. Ну а уж потом — это нам, студии «Голос».

— Говорят, что телевидение обдирает как липку, очень мало платит.

— А куда деваться? Оно монополист, проката-то нет. Вот, говорят, мой новый фильм «Последнее дело Варенного» лидировал на рынке, но что мы с этого имеем? Копия очень дешева, посредники перекупают, перепродают — и все исчезает, как в черной дыре. Так же было и с «Чичей», государство у нас ее выкупило, но дальше, о прокате, я ничего не знаю.

— Но вы же сами начальство, секретарь киносюза, были и есть. В ваших глазах все делалось — тогда, когда модели разные создавались...

● Виталий Мельников и герои его нового фильма: Петр — Виктор Степанов, Алексей — Алексей Zubov, Ефросинья — Екатерина Кулакова, Меншиков — Владимир Меньшов.

— Ох, лучше не вспоминать! Это было какое-то всеобщее умопомешательство! Какие-то диаграммы, схемы, «деловые» игры. Никогда не забуду!

— Как Климов предложил...

— Да, да, создать компьютерный банк кинематографа. И всех туда подключить. Кого, куда?

— Ну а что же вы молчали!

— Да нет, пытался что-то возражать. Ну вы же помните, какая была атмосфера... Все словно сдвинулось. Малейшее сомнение насчет результата, насчет реакции зрителя — да это же было ретрограды! Но, кстати, вот это всеобщее презрение к зрителю — оно ведь всегда было в кинематографической среде. Оно и возобладало. А зритель ушел из кинотеатра, и никто не заметил — как это произошло.

— Я считаю, что столкнулись два мутных потока — наш, тот, начала девяностых, когда производили четыреста фильмов в год, когда отмывались грязные деньги, и американский, самый низкопробный, когда рухнули государственные закупки и стали закупать, что попало. Вот эти два потока, столкнувшись, сами себя и уничтожили. Сначала перестали ходить на наше плохое кино (а оно было не просто плохое, а из рук вон — снимали какие-то ассистенты и помрежи), а уж потом перестали ходить и на плохое американское. В этой ситуации, когда вдруг появилось хорошее американское кино класса «А» да и наше стало выправляться после лихорадки, уже время было упущено. Разве не так!

— Наверное. Только я продолжаю думать, что все это было заложено еще раньше. Повторяю: кризис нашего ки-

но — это кризис зрителя. А нам всегда внушали (да вы же, критики, теоретики, которые, кстати, сыграли очень драматическую роль и в перестройке кино), что зрительское кино — это кино плохое. Что это как бы грех кинематографа — зритель, и его надо выжигать каленым железом. Вот и выжгли.

— Скажите, а какие у вас последние фильмы, в вашем «Голосе»?

— Ну как же! «Год Собаки» — наше последнее достижение.

— Это копродукция?

— Не совсем. Копродукция — это творческое участие, сотворчество. А здесь — деньги. Ну, скажем, от Национального центра кинематографии Франции.

— Вы знаете, что-то этот Центр понемногу становится уже центром российского кино. Последние картины Тодоровского-младшего, Евстигнеева...

— Да, это верно. Насколько мне известно, они помогают вообще восточноевропейскому кино. Вероятно, было какое-то решение.

— Как решение! Это как-то странно звучит... Отдает политикой...

— Ну а почему бы и нет? У них что, нет политики?

— Может быть, есть какая-нибудь связь и с тем, что «Год Собаки» и приз в Берлине получили!

— Может быть, и есть. Почему мы вообще думаем, что у нас политика, а у них ее нет? Есть, и еще какая! Они поддерживают не просто наше кино, но, я думаю, вполне определенное кино.

— Вы знаете, я тоже об этом подумала, как ни странно. Когда смотрела фильм «Чекист»

Александра Рогожкина, сделанный по заказу французов. Работа, безусловно, талантливая, но как-то уж очень по заказу, что ли — вот, нате вам нашу кровь литрами!

— А как же иначе? Они же не ангелы. Вот у нас, например, сделан фильм «Острова» — о Курилах.

— Чтобы отдать их, мол, японцам!

— Ну не то чтобы... Но жизнь там такая безнадежная, земля такая неухоженная, люди такие угрюмые, что невольно мысли разные закрадываются...

— Вы знаете, сколько я ни стараюсь, объяснить разным людям, как это происходит, что приличный советский фильм, снятый на «Ленфильме» или «Мосфильме», стоит на рынке раз в пять, если не больше, дороже американского, я не могу этого сделать. А нет ли здесь аналогии с тем, что мы, скажем, не продаем отечественные сельхозпродукты, а сплошь питаемся импортом!

— Ну, конечно же! Процесс абсолютно тот же. Купить и завезти из-за границы гораздо дешевле, чем вырастить, сохранить, вывезти и продать — это же и ежу понятно! Только при этом никто не думает о том, что будет завтра. А в культуре — особенно. Если пашня или стадо, пущенные под нож, трудно, но восстановить, то в культуре эта регенерация вообще вряд ли возможна: подобная политика способна уничтожить целое поколение, оставшееся невостребованным.

— А что все-таки происходит на «Ленфильме»? Доходят какие-то ужасные слухи — закрылся, обанкротился, ничего не снимают. Потом вдруг выясняется — снимают. Так что же!

— Снимается сейчас, я думаю, картин шестнадцать-семнадцать, они в разной степени готовности. Кто-то запускается, кто-то, наоборот, остановился, денег нет, аккумулирует.

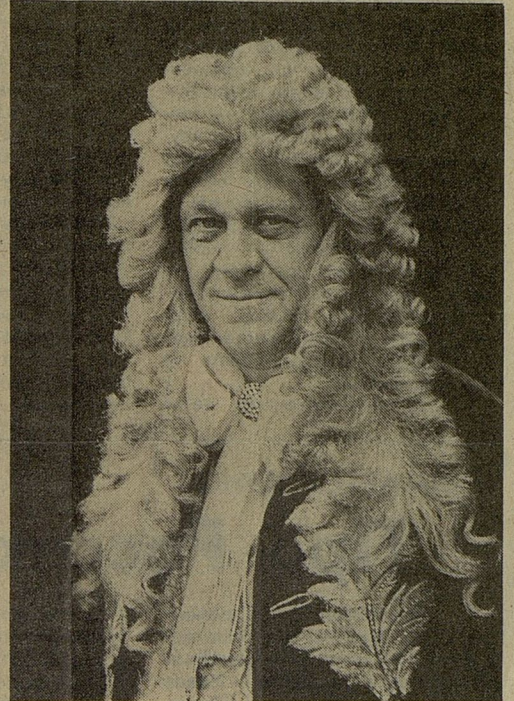
— Что за новое словечко!

— Очень модное. Какая бы смета и какая бы сумма ни была вначале, через определенное время, и очень скорое, она устаревает — инфляция. Надо опять искать деньги, вот это теперь и называется — аккумулировать. Я, например, сейчас занял у Германа (он снимает уже который год!) миллионов шестьдесят — для него это семечки по сравнению с тем, сколько ему надо. Так вот и движемся, мелкими перебежками, но движемся.

Была — помните, я вам рассказывал? — опасность приватизации студии. Могло все вообще улечь в чужие руки. Но собрали коллектив, там высказывались самые разные мнения. Вмешался наш мэр и решительно заявил, что такое национальное достояние, как «Ленфильм», приватизации не подлежит. Так что опасность снята. Пока что.

— А что вы сейчас снимаете!

— Самое интересное — не что, а где. В Польше. Мы, две постсоциалистические кинематографии, оказались примерно в одном положении. И вот решили друг другу помочь — наша студия и польская «Зодиак», руководимая нашим ста-

рым знакомым Ежи Гофманом. Мы снимаем на юге Польши как бы «Царскую охоту-2», называется «Царевич Алексей».

— Что, пытаетесь сразиться с «Петром»!

— Ну я думаю, что каждому — свое. Мы в своем фильме опираемся не на Толстого, а скорее, на Мережковского и на исторические документы. Эпоха стареющего Петра — монарх уже устал, а его окружение пуще огня боится его ухода и всего, что с ним связано.

— Возникают какие-то аллюзии...

— Отнюдь. Просто история постоянно преподносит нам свои уроки, которые постоянно забываются. Мы как раз показываем, что опасность со стороны царевича Алексея была как бы смоделирована Меншиковым для отвлечения Петра.

— А кто играет! Говорят, сейчас актеры — самое дорогое на съемочной площадке.

— Да, пожалуй. Один очень известный актер, например, запросил с меня две с половиной тысячи долларов... за съемочный день. Но мне повезло — другие не были столь высокооплачиваемы. У меня снимаются Виктор Степанов, тот, что играл Ломоносова, — он Петр. Толстого играет Любшин, Екатерину I — Наталья Егорова. А Меншикова — Владимир Меньшов, он сам шутит, что, мол, по сходству фамилий взяли.

— Картина сложно-постановочная, очень дорогая. Время ли сейчас снимать такое!

— Если государство может себе позволить, если понимает, что такие картины нужны, то уж нам сам Бог велел...

Валентина ИВАНОВА.